

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. С. Садовая

Садовая Елена Сергеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Россия
E-mail: sadovaja.elena@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-0553-3047>

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения процесса трансформации современного общества в единстве технологической, экономической и социальной составляющих, его влияния на каждого отдельного человека. Автор показывает, что процесс этот обусловлен широким распространением цифровых технологий, развитие и внедрение которых ведет не только к смене технологического уклада и изменению механизмов экономического роста, но создает предпосылки для кардинальной смены парадигмы общественного устройства, меняет сознание людей, их мировосприятие. Целью исследования является разработка концептуальных подходов к исследованию социальных трансформаций в условиях цифровой экономики. Категорией научного анализа, позволяющей лучше понять суть происходящих трансформаций, а, главное — их социальные последствия, выбран «человек в его социальной ипостаси». При этом в качестве механизма, через которые названные трансформации реализуются, рассматривается занятость, в которой преломляются все названные выше процессы, заставляя складывающиеся здесь отношения эволюционировать от вынужденно солидарных отношений общественного производства индустриальной эпохи к полностью индивидуализированным, фрагментированным, неустойчивым, зачастую виртуальным в разных смыслах этого слова отношениям. Автор приходит к выводу, что это может вести к размыванию прежних ценностных оснований общества, сделать современное общество и человека более зависимыми и манипулируемыми. Именно поэтому сегодня появляется настоятельная необходимость в синтетической теории, позволяющей не только адекватно описать суть происходящих трансформаций, но имеющей прогностический потенциал для определения перспектив общества в пору его тотальной нестабильности.

Ключевые слова: общественные трансформации, цифровая экономика, цифровые платформы, занятость «по запросу», трудовые отношения, безлюдные технологии, информационное общество.

Диалектика взаимодействия технологий, общества и человека

Процесс трансформации общества ускоряется, стремительно обгоняя биологическое время, и именно поэтому человеческое сознание все в меньшей степени способно «переварить» происходящие изменения. Это оказывается серьезным вызовом, как для научного сообщества и политического класса, так и для каждого отдельного человека. Тем более, что происходящее все хуже поддается осмыслению в привычных рамках работавших ранее объясняющих концепций, вполне удачно справлявшихся с аналитическим структурированием социального пространства и дававших возможность строить долгосрочные прогнозы. Сама парадигма научного познания, сложившаяся в эпоху Модерна и разделяющая этот процесс на множество узких направлений, позволяет описать лишь отдельные части единого целого.

Такие описания, как любые модели, грешат односторонностью, схематичностью и не позволяют представить окружающую нас реальность как систему, как единый, работающий по понятным нам универсальным законам, механизм. Пока есть только попытки описания социальной реальности на языке системного ана-

лиза, который Ф. Кумбс уподоблял «мощному объективу, позволяющему увидеть исследуемый объект как единое целое» (Кумбс, 1970). Однако несмотря на то, что междисциплинарный синтез сегодня востребован, как никогда, не сложился даже междисциплинарный язык описания реальности, во всяком случае в гуманитарных науках.

Понимание происходящего осложняется тем, что различные процессы, протекающие в обществе — технологические, организационно-институциональные, социальные, трансформация сознания человека, наконец, — развиваются крайне неравномерно, что затрудняет вычленение основных тенденций. Так, технологическое развитие ускорилось в последние десятилетия весьма существенно. И если раньше смена технологических укладов происходила на протяжении жизни нескольких поколений, то сегодня в течение жизни одного поколения сменяется несколько технологических укладов¹. В его основе лежит ужесточение конкуренции по издержкам и экономическая глобализация.

Экономическая парадигма общества меняется медленнее, так как в ее основе лежат групповые интересы, подлежащие согласованию, и процесс этот идет небыстро. Политическое развитие еще более инерционно. И, наконец, скорость трансформации институтов и отношений в социальной сфере самая низкая, поскольку затрагивает интересы всех без исключения членов общества². В итоге разрушение социальных структур «уходящего» индустриального общества идет медленнее, чем формируются технологические основы общества, которое уже конвенционально признается информационным. При этом все эти процессы являются отражением единой социальной динамики, они взаимообусловлены и активно влияют и на общество, и на каждого отдельного человека. Именно таким образом они и должны рассматриваться.

Каковы могут быть категории научного анализа, связывающие воедино эту разорванную на отдельные отрасли знания единую социальную ткань современного общества? Нам представляется, что в этом качестве может выступать человек (индивид), которого «в контексте изучения современной социально-политической динамики... можно рассматривать как “базовую единицу” анализа социальных изменений» (Семененко, 2012), имея в виду необходимость осмысления вызовов, вставших перед человеком в новой технологической реальности, направления эволюции общества.

Материальной основой этого нового формирующегося общества становится цифровая экономика, представляющая собой не столько технико-технологические условия для использования «данных в цифровой форме» и новые модели бизнес-взаимодействий (Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России, 2017 [Экспертно-аналитический доклад ЦСР]; Кешелав, Буданов, Румянцев, 2017), сколько коренную трансформацию всей архитектуры современного рынка. Отдельные отрасли и сектора экономики преобразуются

¹ Это само по себе является социальной проблемой, что углубляет разрыв между поколениями.

² Здесь стоит отметить, что культура и человеческое сознание — очевидно еще более инерционные системы. Именно «универсалии культуры» (концепт, предложенный акад. В.С. Степиным), являющиеся своего рода надбиологическими программами, определяющими характер того или иного общества, обеспечивают устойчивость и преемственность человеческого сознания. Однако в данной статье мы основной упор делаем на анализ институциональных трансформаций.

в цифровые платформы, объединяющие (и даже смешивающие, сплавляющие между собой) на новой технологической основе самые различные виды деятельности, крупные и мелкие компании, потребителей и производителей. Меняя формы взаимодействия экономических субъектов, цифровизация экономики предопределяет и преобразование всего современного общественного ландшафта. В этом смысле прав М. Кастельс, называющий экономику не информационной, а информационной (Castells, 2010), подчеркивая, что завершение процесса трансформации общества «требуется глубоких социальных, культурных и институциональных перемен», а не только лишь преобразования его экономико-технологического базиса.

Механизмом, через который экономические новации меняют социальную реальность, человека и общество, становится занятость. Преобразование целых отраслей и сфер деятельности в цифровые платформы становится не только способом переформатирования старой экономической парадигмы, но и «точкой сборки» взаимоотношений отдельного человека, бизнеса и государства.

Эти преобразования идут под воздействием двух групп факторов — кардинального сокращения спроса на труд (экономический рост все меньше обусловлен ростом занятости, как это было в условиях индустриального производства) и изменения характера самого труда и занятости, а следовательно, и сущности социальных взаимодействий в трудовой сфере, а затем и в обществе в целом.

Переходя к изложению авторского видения процессов, происходящих в социальной и социально-трудовой сферах, представленному в виде аналитической гипотезы, отметим, что оно, несомненно, страдает определенной «односторонностью». В том смысле, что мы акцентируем свое внимание, прежде всего, на процессах, размывающих сложившуюся социальную систему, пристально рассматривая негативные социальные последствия происходящих трансформаций. Как и любая другая, наша попытка концептуализации, несомненно, грешит схематичностью, оставляя за рамками значительное число не только фактов, эмпирического материала, но и контртенденций, всегда присутствующих в любом общественном процессе. Это делает картину мира менее выпуклой, однако в условиях глубоких изменений системы такой подход оказывается во многом оправданным, в том числе и потому, что дает возможность рассмотреть наиболее сущностные ее черты и предпринять попытку прогнозирования дальнейшего развития событий, или, по крайней мере, инициировать научную дискуссию.

Потребность в ней особенно велика именно в период фазового перехода, когда человечество оказывается «на распутье» и перед ним открывается целый спектр возможных вариантов дальнейшей эволюции. В этих условиях особенно возрастает «потребность в осмыслении связей человека с институтами, претендующими на организацию управления многомерными общественными процессами» (Семенов, 2012). Следует подчеркнуть, что речь идет об институтах в самом широком смысле этого слова. Одним из важнейших оказывается именно занятость, понимаемая нами не столько, как «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая заработок», сколько, как система общественных отношений.

Именно под влиянием технологических изменений, оказывающих системное воздействие на различные аспекты общественной жизни, меняются и отношения в сфере труда, а сама она стремительно сокращается, формируя основы «посттру-

дового» общества (Srnicek, Williams, 2015). Основные его структурообразующие элементы, сформировавшиеся в условиях аналоговой реальности, размываются в условиях цифровой. Привычные категории научного анализа и обыденной жизни, такие как «собственность», «предпринимательство», «занятость», «труд», «профессиональная деятельность», «трудовые отношения», также меняют свое содержание.

Человеческое общество за рамками труда. Социально-философский аспект

До настоящего момента анализ процессов, происходящих в социально-трудовой сфере, редко выходил за достаточно узкие рамки социально-экономического подхода — структурные параметры занятости, количество безработных, проблемы разбалансировки спроса и предложения на рынке труда. Даже в условиях кризисов отклонения параметров функционирования рынка труда рассматривались, как иногда опасные с социально-политической точки зрения, но все же отдельные «сбои» в работе четко отлаженного механизма. И этот подход вполне адекватно отражал существовавшую реальность. В его рамках возникающие социальные дисбалансы ликвидировались мерами политики занятости и социальной политики, ставшими обыденными и достаточно эффективными механизмами легитимации власти.

Цифровая экономика очень быстро (практически одномоментно по историческим меркам) и кардинально преобразовала занятость, причем речь идет именно о качественных изменениях ее параметров и внутренних связей. Даже самый поверхностный взгляд свидетельствует, что глубина накопившихся в сфере труда структурных дисбалансов отражает системный характер происходящих перемен, имея в виду то, что Д. Хендрикс называл ситуацией фазового перехода, когда изменения приобретают самоусиливающийся характер и препятствуют возвращению системы в прежнее состояние (Hendricks, 2009).

Одним из проявлений этих перемен становится значительное сокращение спроса на труд любой квалификации, кроме самой высшей (IT, конвергентные профессии, шоу-бизнес), идет ли речь о реальном производстве или сфере обслуживания, или даже о вполне интеллектуальных видах деятельности. Особенно массовое сокращение спроса ожидается на труд средней квалификации, с которым успешно справляются компьютерные алгоритмы (Цифровые дивиденды, 2016 [Доклад Всемирного банка]).

Эксперты *PricewaterhouseCoopers* так оценивают доли находящихся под угрозой автоматизации рабочих мест к 2030 г. в разных странах: в США — 38%, в Германии — 35, в Великобритании — 30, Японии — 21% (Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030, PWC), а в докладе Всемирного банка говорится, что в развивающихся странах под угрозой автоматизации находятся до двух третей всех рабочих мест (Цифровые дивиденды, 2016 [Доклад Всемирного банка]).

Следствием происходящих процессов становится рост незанятости / некачественной занятости в современной экономике. Так, по данным компании *McKinsey*, безработными, неактивными или частично занятыми сегодня в мире являются от 30 до 45% населения трудоспособного возраста (A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age, 2017 [McKinsey Global Institute Report]). Прогнозируется, что ситуация будет ухудшаться в са-

мое ближайшее время. По данным МОТ, в период с 2016 по 2019 г. число только официально зарегистрированных безработных в мире увеличится более чем на 11 млн. (New job, new life: Updates from Generation graduates around the world, 2016 [McKinsey Global Institute Report]).

При этом из занятости стремительно исчезает ее социальная составляющая с постоянным контрактом и страхованием рисков. Так, по оценкам компании *Deloitte*, только 42% опрошенных руководителей компаний в 2018 г. сказали, что в их организации в основном приняты классические трудовые отношения между работниками и работодателем. При этом в самые ближайшие годы они ожидают резкого увеличения количества срочных контрактов, внештатных, временных и других категорий работников, трудящихся в нестандартных условиях (The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise, 2018 [Deloitte]).

Занятость все чаще приобретает виртуальный характер. Это означает не только то, что она реализуется посредством цифровых технологий, но и то, что она все в большей мере теряет свою реальную полезность для общества. Это касается определенных видов активности — достаточно ознакомиться с «трудовой деятельностью», осуществляемой на просторах Интернета.

В этом смысле интересна опубликованная еще в 1983 г. в журнале «The Futurist» статья «Больше технологии, меньше работы» канадского ученого М. Морфа. В качестве средства борьбы с ухудшением ситуации в социально-трудовой сфере вследствие развития безлюдных технологий в ней рассматривается такая мера, как широкое распространение различных форм непродуктивных, как он их называл, «призрачных» занятий (цит. по Араб-Оглы, 1986), становящихся все более бесполезными с точки зрения человека и общества.

Похоже, что сегодня мы вплотную подошли к реализации этой идеи. Какие же возможности профессиональной или скорее личностной реализации (если иметь в виду массовые занятия) есть на современном рынке труда? Существует достаточно много обзоров, посвященных наиболее востребованным профессиям недалекого будущего (21 профессия будущего — от дата-детектива до криптокоуча, 2017; Зырянова, 2017). Одним из наиболее распространенных видов деятельности уже сегодня становится манимейкинг — это может быть ведение блогов, добыча крипто-валюты, интернет-коучинг, проектирование путешествий в дополненной реальности, сбор средств на реализацию собственных проектов с помощью технологий краудфандинга. Можно назвать и другие формы интернет-активности, которыми люди занимаются в надежде на получение дохода.

Основной отличительной чертой такой «занятости» является то, что люди оказывают услуги, не имея институциональной связи с каким-либо предприятием, зачастую даже страной, не имея социальных гарантий. Приемлемого уровня персональной капитализации (количество «лайков» или подписчиков) добиваются при этом единицы, поскольку осуществляется она в условиях высокой конкуренции.

Цифровизация экономики и преобразование большинства видов деятельности в платформенные, трансформируют занятость в деятельность «по запросу», которую мы по инерции продолжаем называть профессиональной. Краудворкинг-платформы («биржи талантов»), приходящие на смену традиционным предприятиям и являющиеся по сути своей лишь агрегаторами (программным обеспечением), предоставляют человеку возможность быстро находить себе подработку, зачастую являющуюся единственной формой заработка. В итоге можно

представить себе ситуацию, когда вид деятельности меняется несколько раз в течение одного дня (доставка, переводы, консультации, транспортные, бытовые услуги). Чтобы его осуществлять, достаточно скачать себе мобильные приложения и начать предлагать свои услуги «по запросу», понимая, что такая деятельность в большинстве случаев носит одноразовый характер.

Поляризация занятых растет, поскольку сама занятость все чаще оказывается непостоянной, низкооплачиваемой, без присущих ей в индустриальной экономике социальных гарантий³, определяющим образом влияя на формирование новой социальной структуры «цифрового» общества. Прежде всего, исчезает средний класс, выполнявший, по образному выражению Г. Г. Дилигенского, определенную идеологическую функцию, заключающуюся в «символизации некоей идеологической альтернативы» раздираемому противоречиями антагонистическому обществу (Дилигенский, 2002), легитимации сложившегося политического устройства современного мира.

В этих условиях вторую жизнь обретает предложенное Э. Тоффлером понятие «протребители»⁴, на наш взгляд, скорее в художественной нежели научно-аналитической форме отражающее происходящие в сфере труда перемены, связанные с размытием прежних представлений о труде и профессиональной занятости (подробнее об идеологии «просьюмеризма» см.: Плотицкина, 2017). В целом в научном дискурсе не сложился пока устойчивый консенсус по поводу новой социальной структуры формирующегося общества. Но уже очевидно, что введенное в научный оборот Г. Стэндингом понятие прекариата, как нового, «опасного» класса современного общества (Стэндинг, 2014), оказывается более адекватным, близким к реальности, нежели те, которые создали Р. Инглхарт, Ч. Лэндри, а затем и Р. Флорида (Ingelhart, 1997; Landry, 2000; Florida, 2005), писавшие о креативной экономике. Рост незанятости или временной, неустойчивой занятости «белых воротничков» (до 60% этой группы), интеллектуализация того слоя, который Стэндинг назвал прекариатом, фиксируемые статистикой и отмечаемый экспертами — яркое тому подтверждение (Санкова, 2014).

Каковы же отличительные черты этого нового класса, названного Г. Стэндингом по аналогии с пролетариатом, но во многом являющегося его антиподом? В отличие от пролетариата, самой организационно-технологической парадигмой индустриального труда объединенного в мощные, хорошо организованные группы интересов, представители прекариата разобщены и фрагментированы. И если в конце прошлого века, согласно исследованиям известного американского социолога, З. Баумана, молодого американца, например, со средним уровнем образования, в течение его трудовой жизни ожидала смена, по меньшей мере, 11 видов профессиональной деятельности (Бауман, 2002), то сегодня люди иногда вынуждены менять сферу приложения своего труда несколько раз в день. Креа-

³ Исследования свидетельствуют, что заработки фрилансеров и тех, кто трудится в нестандартных условиях, оказываются крайне низкими (Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. (2017) Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 4, pp. 23–32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32).

⁴ «Протребление» определяется им как совокупность способов, «посредством которых люди могут производить прежде всего для себя, а не для продажи или обмена». Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера. 09.11.2006. <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>.

тивность же труда для значительной части населения заключается в том, чтобы придумать возможные способы такого дискретного, нестабильного, низкооплачиваемого заработка.

Будет несправедливым сказать, что до самого последнего времени никто не задумывался над вопросами, связанными с резким сокращением спроса на труд в условиях высокотехнологичной экономики (Садовая, Сауткина, 2015). Однако проблема всеобщей, тотальной «незанятости» рассматривалась скорее как сугубо теоретическая, даже философская проблема. Новая цифровая экономика преобразует и человека, и общество в «общество за пределами труда». И существует опасность, что это будет означать не только отчуждение человека от достигнутого уровня технологического развития, как отмечали известный российский футуролог Э.А. Араб-Оглы (Араб-Оглы, 1986) или немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс (Ясперс, 2010), но и от социальной политики, и от возможности влияния на процесс принятия решений.

В большей мере это ощущает на себе молодежь, испытывающая сложности как с выходом на рынок труда, так и в процессе трудовой деятельности. Появился даже специальный термин — NEETs — обозначающий молодежь за рамками занятости и учебы. Таковых в Европе, например, по данным Евростата, около 10%. При этом подавляющая часть работающей молодежи (доходящая в некоторых странах до 70%) трудится в нестандартных условиях (временные контракты, частичная занятость), почти две трети из них делают это недобровольно (Eurostat, 2014). Эта тотальная нестабильность формирует и «человеческие качества» (А. Печчеи), личностные особенности поколений, которые принято называть поколением Z, миллениалами. Именно они составляют основу «посттрудового» общества, в котором человек может стать более зависимым, а потому — более манипулируемым.

Кто сформирует наше будущее?

Сегодня мы наблюдаем процесс размыwania прежних основ солидарности общества. Индустриальная эпоха подарила нам крайнюю форму во многом вынужденной солидарности через занятость. Труд становился все более раздробленным функционально, но одновременно требующим взаимодействия значительного числа людей. Человек мог существовать, только вписываясь в цепочки создания стоимости, становящиеся все более «длинными» в условиях углубления разделения труда. Солидарность в этих условиях означала также совместную ответственность бизнеса, государства и самого работника за социальное благополучие последнего.

В условиях цифровизации экономики «кооперативных» рабочих мест становится все меньше, «раздробленность в рамках кооперации» все в большей степени передается на откуп роботам, автоматам и алгоритмам, людям остается самая настоящая раздробленность и полная индивидуализация (анонимность) общественных отношений в сфере труда (формируя, кстати, запрос на новую солидарность (Сауткина, 2017)).

Основоположники теории перехода к постиндустриальному обществу О. Тоффлер и Д. Белл демонстрировали оптимистический взгляд в будущее, связанный с ожиданием «освобождения труда» от тяжелой, физической, рутинной, неинтересной работы, которое должно было произойти по окончании эпохи индустриального «порабощения» человека специфическими способами орга-

низации производства, открыв простор для творчества, постоянного развития, самореализации. Однако вследствие исчерпанности возможностей экономического механизма индустриальной эпохи, обеспечивавшего поступательный рост благосостояния значительной части населения, этим проектам не суждено было реализоваться.

Казалось также, что формирующееся сетевое общество будет более «прозрачным» и людям легче будет влиять на принятие решений. Так, собственно, во многом и произошло. Механизм этого политического феномена хорошо объясняется введенным в научный оборот концептом «фронтирного пространства сетевого общества», в котором появляются «модульные сетевые управленческие структуры, способные чутко реагировать на требования снизу» (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016). В то же время формирующаяся виртуальная реальность несет в себе определенные угрозы свободе человека. Причем уже не на политическом, а на когнитивном уровне.

Технологии дополненной, смешанной, виртуальной реальности, затрудняя понимание реальных процессов, фрагментируя социальное пространство, облегчают манипулирование массовым сознанием⁵. При этом сами люди становятся подконтрольными, не понимая даже толком кому именно — компьютерные алгоритмы бескомпромиссны, но, при этом не застрахованы от ошибок или от бесконтрольного (для общества) вмешательства.

В таких условиях непропорционально увеличивается роль технократов, а технологические новшества позволяют сделать контроль поистине всеобъемлющим. Способы его весьма разнообразны. Он может варьировать от достаточно «простых» и незатейливых форм, пример которых демонстрирует компания *Amazon*, применяющая электронные браслеты для «оптимизации затрат труда» своих работников (*Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés?*, 2018), до биометрии и профайлинга с использованием технологий *big data*. Их, кстати, называют «цифровой нефтью» современности⁶. От «интеллектуальных» камер видеонаблюдения до дронов, в память которых ученые пытаются заложить некий свод моральных норм и правил, позволяющих этим устройствам самим определять, кого и как наказывать за нарушение «общественного порядка».

Было бы несправедливым сказать, что эта «новая нормальность», эта полная прозрачность и подконтрольность жизни, считавшейся ранее приватной зоной человека, навязывается ему извне. Напротив, чаще всего она является результатом свободного выбора людей. Очень трудно отказаться от системы камер тотального слежения, распознающих малейшие нюансы эмоционального состояния человека в условиях, когда терроризм перешагнул любые государственные границы. Возможность предотвращения преступлений до их совершения — это ли не реализация тысячелетней мечты человечества.

⁵ Так, недавно выяснилось, что 48 млн «пользователей» Твиттера – боты, самостоятельно общающиеся между собой и формирующие контент. «Об информационных помойках» URL: <https://aftershock.news/?q=node/497310> (28.08.2018).

⁶ Не случайно на уровне национальных государств разворачивается такая нешуточная борьба с транснациональными гигантами за контроль над информацией о пользователях. Такая борьба идет, в частности, в Китае и в России, странах, имеющих потенциальные возможности обеспечить свой суверенитет в сегодняшнем нестабильном мире.

Тенденция сегодня, однако, состоит в движении от удобства и безопасности, приносимых в нашу жизнь цифровыми технологиями, к росту контроля над человеком — и это не чей-то злой умысел, но логика развития системы. Очень сложно провести эту тонкую грань между безопасностью и тотальным контролем над ставшим «прозрачным» человеком⁷. Ведь только специалисты могут оценить адекватность баланса между тем, что они называют «юзабилити», удобством для пользователей, стоимостью применяемого программного продукта и реальной безопасностью, которую оно обеспечивает и проконтролировать это крайне сложно.

Еще одним важнейшим обстоятельством, оказывающим серьезное влияние на направление общественных трансформаций, стало то, что люди сегодня оказались крайне зависимыми от социальной политики. В последнее столетие человек самой институционально-организационной логикой индустриальной экономики был «приручен» к тому, что то, что раньше было сферой его личной ответственности — здоровье, профессиональное становление, старость и нетрудоспособность — перешло в сферу общественной ответственности. С точки зрения биологического времени такое положение дел — это практически вечность, поэтому стало восприниматься как обыденное, «само собой разумеющееся». Об этом очень образно сказал Э. Геллер, подчеркивавший, что индустриальное общество — единственное общество, которое неспособно выдержать даже временное сокращение «фонда социального подкупа» и пережить «утрату законности», постигающую его в этом случае (Gellner, 1983).

Именно поэтому в условиях, когда «рог изобилия закрывается и поток иссякает» в силу резкого сокращения сферы индустриального (в широком смысле этого понятия) труда, к которой и была тесно «привязана» социальная политика, остро встает необходимость обретения новой легитимности, принципов построения системы социальной защиты. Отсюда — идея безусловного базового дохода, призванного заменить институт социальной политики индустриальной эпохи в условиях стремительного сокращения количества рабочих мест в глобальной экономике. О проблемах, связанных с этим масштабным социальным экспериментом последнего времени, мы уже писали ранее (Садовая, 2017), но сегодня очевидно, что в том виде, в котором он задумывался, он провалился, прежде всего, в силу экономических причин.

Однако эксперименты, потерпевшие неудачу в Европе и некоторых других странах, уже с опорой на широкое применение цифровых технологий, продолжились в Китае. Речь идет о применении Индексов лояльности, или социальных рейтингов, присваиваемых каждому гражданину страны на основе тотального наблюдения за его «поведением».

Имеется в виду отнюдь не только способность человека отдавать взятые кредиты или частота нарушения им правил общественного порядка. Речь идет о наблюдении за его поведением в офисе, в школе, на улице, осуществляемом с помощью камер видеонаблюдения, способных распознавать эмоции и настроение человека. Именно на основании этих рейтингов человек получает возможность доступа к тем или иным благам (Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга, 2016). В китайских школах, например, планируется установить камеры

⁷ Речь идет не только о личных данных человека, информации о его банковских счетах, но и, например, о данных о его здоровье, навредить которому теперь легко можно дистанционно.

с искусственным интеллектом, распознающие характер активности учеников. На эту страну, кстати, приходится почти половина (46%) мирового рынка систем видеонаблюдения, а к 2020 году будет установлено еще почти 500 млн. камер (Все мы немного киборги. Чем опасно слияние человека с машиной, 2018).

О необходимости внедрения единой системы рейтингов, позволяющих получать кредиты на лучших или, напротив, худших условиях, вслед за Китаем, заговорили и в России. Речь, правда, пока идет лишь о кредитных рейтингах, однако не случайно один из российских идеологов нового цифрового общества Г. Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности, аккумулирующего в себе все доступные в Интернете данные о человеке, который, по его мнению, должен стать важнее самой реальной личности (Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности, 2017).

Не сгущая краски и не утверждая, что мы «нащупали» основные направления развития современного общества, подчеркнем все же, что обозначенные нами ранее тенденции — рост уязвимости и манипулируемости современного человека — имеют под собой серьезную основу — новую парадигму занятости. Труд, занятость играют важнейшую роль в жизни человека и общества, не только давая необходимые средства для жизни, но и оказывая самое непосредственное влияние на общество и формирование личности человека. И происходящие перемены несут в себе серьезные политические риски того, что новое общество может оказаться не совсем таким, каким мы его хотели видеть. По крайней мере, менее демократическим и свободным.

Кстати, об опасности размывания демократических основ современного общества, связанного с его технологическими трансформациями, говорил еще основатель Римского клуба А. Печчеи (Печчеи, 1980), обуславливая его отсутствием Идеи (социального порядка в Веберовском понимании, при котором поведение человека «ориентируется на отчетливо определяемые максимы» (Вебер, 1990)), способной одухотворить человечество, помочь реализовать его потенциал самосовершенствования. Об этом же в своей книге «Третья промышленная революция» говорил и Джереми Рифкин (Rifkin, 2011). Последняя попытка конструирования такой Идеи (идея «глобальной человеческой империи») предпринималась, кстати, именно в работах Римского клуба и была и на концептуальном, и на практическом уровне поддержана ООН. Сегодня уже можно констатировать, что реализовать ее не удалось.

Однако в отсутствие такого положительного нарратива, вслед за эпохой «великих идеологий», говоря словами Бориса Межуева, может наступить эра «молчаливых революций» (Межуев, 2018), и система продолжит развиваться согласно своей внутренней логике. Общество может оказаться технократическим, а человек — полностью полагающимся на биологический и электронный контроль своего поведения. Однако будущее сегодня — все еще недописанная книга...

Библиографический список

- 21 профессия будущего — от дата-детектива до криптокоуча (2017, Ноябрь 25). *Forbes Kazakhstan*. Режим доступа https://forbes.kz/process/technologies/21_professiya_budushego_ot_data-detektiva_do_kriptokoucha
- Араб-Оглы, Э. А. (1986). *Обозримое будущее. Социальные последствия НТР. Год 2000*. М.: Мысль.
- Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

- Все мы немного киборги. Чем опасно слияние человека с машиной (2018, Апрель 1). *Коммерсантъ*. Режим доступа <http://www.kommersant.ru/doc/3579697>
- Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности (2017, Июль 23). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html>
- Дилигенский, Г. Г. (2002). *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Зырянова, А. (2017, Декабрь 19). Профессии будущего: чему учиться, чтобы преуспеть в конкуренции с роботами. *Русская служба Би-би-си*. Режим доступа <http://www.bbc.com/russian/features-42364741>.
- Кешелава, А. В., Буданов, В. Г., Румянцев, В. Ю. и др. (2017). На пороге «цифрового будущего». В А. В. Кешелава (ред.) *Введение в «Цифровую» экономику*. Москва: ВНИИГеосистем.
- Ковачич, Л. (2017, Июль 18). Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. *Московский Центр Карнеги*. Режим доступа <http://carnegie.ru/commentary/71546>
- Кумбс, Ф. Г. (1970). *Кризис образования в современном мире*. М.: Прогресс.
- Межуев, Б. (2018, Январь 29). Демократия против Европы. Режим доступа <https://mezhuев.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evropy>
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А. (2016). Фронтير сетевого общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 2, 83–97.
- Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад ЦСР* (2017). Москва: Центр стратегических разработок.
- Печчеи А. (1980). *Человеческие качества*. Издательство «Прогресс».
- Плотичкина, Н. В. Идентичность потребителя. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 590–591). М.: Весь Мир.
- Садовая, Е. С. (2017). Системные сдвиги в социальной политике: готовы ли мы воспринять новую социальную реальность. В *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г.* (с. 525–527). СПб.: СПбГУП.
- Садовая, Е. С., Сауткина, В. А. (2015). *Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект*. М.: ИМЭМО РАН.
- Санкова, Л. В. (2014). Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации. *Уровень жизни населения регионов России*, 4 (194), 44–53.
- Сауткина, В. А. (2017) Возрождение солидарной экономики: попытка реализации или реальная мотивация к развитию? *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (1), 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-88-96
- Семененко, И. С. (2012). «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. *Полит. Политические исследования*, 6, 10–11.
- Стэндинг, Г. (2014). *Прекариат — новый опасный класс*. М.: AdMarginem.
- Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. (2016, Декабрь 11). *РБК*. Режим доступа <http://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>
- Цифровые дивиденды. Доклад Всемирного банка*. Режим доступа <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>
- Ясперс, К. (2010). *Современная техника*. Режим доступа <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6331>.
- A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/technology-jobs-and-the-future-of-work>
- Castells, M. (2010). *The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.

- Eurostat regional yearbook 2014. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/8222062/KS-HA-17-001-EN-N.pdf/eaeb7fa-0c80-45af-ab41-0f806c433763>
- Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés? Retrieved from http://www.francetvinfo.fr/internet/amazon/faut-il-s-inquieter-des-bracelets-electroniques-developpes-par-amazon-pour-suivre-ses-salaries_2592472.html
- Florida, R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. HarperCollins.
- Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hendricks, D. (2009). *Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk*. Retrieved from <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>
- Ingelhart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Paperback.
- Landry, C. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan.
- New job, new life: Updates from Generation graduates around the world. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <http://www.mckinsey.com/about-us/new-at-mckinsey-blog/updates-from-generation-graduates-around-the-world>
- Rifkin, J. (2011). *The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Palgrave MacMillan.
- Srnicek, N., & Williams, A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. London: Verso.
- The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise. Deloitte. *Global Human Capital Trends 2018*. Retrieved from <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html>
- Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030. Retrieved from <http://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/workforce-of-the-future/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf>

Статья поступила в редакцию 03.08.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Садовая Е. С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 6-20.

PEOPLE IN A DIGITAL SOCIETY: DYNAMICS OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

E. S. Sadovaya

Elena S. Sadovaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: sadovaja.elena@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-0553-3047>

Abstract. The paper considers the process of transformation of modern society in its unity of technological, economic and social components, as well as its influence on each individual. The author shows that this process conditioned by a widespread use of digital technologies. Their development and implementation lead not only to the change in technological order and to changes in the mechanisms of economic growth, but it creates prerequisites for a radical change in the paradigm of the social order, and changes people's minds and their worldview. The purpose of the research is to develop conceptual approaches to the study of social transformations in digital economy. The category of scientific analysis — that allows better understand the essence of the transformations that are taking place, and, most importantly, their social consequences, — is a “person in his social incarnation”. At the same time, employment is a mechanism through which these transformations are realized. It refracts all the above processes, forcing the relations that develop here to evolve from the compulsorily solidarity

relations of social production of the industrial era to a completely individualized, fragmented, unstable, virtual relationship in different senses of the word. The author concludes that this can lead to the erosion of the previous values of society, make modern society and man more dependent and manipulated. That is why today there is an urgent need for a synthetic theory that allows not only to adequately describe the essence of the transformations that is taking place, but which has a predictive potential for determining the prospects of the society at the time of its total instability.

Key words: social transformations, digital economy, digital platforms, employment on demand, labor relations, unmanned technologies, information society.

DOI: 10.31429/26190567-19-3-6-20

References

- 21 professija budushchego — ot data-detectiva do kriptokoucha. [21 Professions of the Future — From Data-detective to Cryptocouch] (2017, November 25) *Forbes Kazakhstan* [Forbes Kazakhstan]. Retrieved from https://forbes.kz/process/technologies/21_professiya_budushchego_ot_data-dektiva_do_kriptokoucha
- A Labor Market that Works: Connecting Talent with Opportunity in the Digital Age. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/technology-jobs-and-the-future-of-work>
- Arab-Ogly, E. A. *Obozrimoe budushcheje. Sotsial'nye posledstviya NTR. God 2000* [Near Future. Social Consequences of Scientific and Technological Revolution. Year 2000] M.: Mysl'.
- Bauman, Z. (2002). *Individualizirovannoye obschestvo* [Individualized Society] M.: Logos.
- Castells, M. (2010). *The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Diligenskiy, G. G. (2002). *Luydi srednego klassa* [People of the Middle Class]. M.: Institut Fonda "Obschestvennoe mnenie" [Institute of "Public Opinion" Foundation].
- Eurostat regional yearbook 2014*. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/8222062/KS-HA-17-001-EN-N.pdf/eaeb7fa-0c80-45af-ab41-0f806c433763>
- Faut-il s'inquiéter des bracelets électroniques développés par Amazon pour suivre ses salariés? Retrieved from https://www.francetvinfo.fr/internet/amazon/faut-il-s-inquieter-des-bracelets-electroniques-developpes-par-amazon-pour-suivre-ses-salaries_2592472.html
- Florida, R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. HarperCollins.
- Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gref rasskazal o vozrastayushey roli tsifrovogo avatara lichnosti. [Gref Spoke about the Increasing Role of the Digital Avatar of the Person] (2017, July 23). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html>
- Hendricks, D. (2009). *Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk*. Retrieved from <https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project>
- Ingelhart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Paperback.
- Keshelava, A. V., Budanov, V. G., & Rumyantsev, V. U. (2017). Vvedenie v "Tsifrovuyu" ekonomiku [Introduction to "Digital" Economy]. In A. V. Keshelava *Na poroge "tsifrovogo budushchego"* [At the Threshold of "Digital Future"]. M.: VNIIGeosistem.
- Kovachich, L. (2017, July 18). Bolshoy brat 2.0 Kak Kitay stroit tsifrovuyu diktaturu [The Big Brother 2.0. How China Builds a Digital Dictatorship]. *Moskovskiy Centr Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Retrieved from <http://carnegie.ru/commentary/71546>
- Kumbs, F. G. (1970). *Krizis obrazovaniya v sovremennom mire* [The Crisis of Education in the Modern World]. M.: Progress.
- Landry, C. (2000). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan.

- Mezhuev, B. (2018, January 29) *Demokratiya protiv Evropy* [Democracy vs. Europe]. Retrieved from <https://mezhuev.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evropy>
- Morozova, E. V, Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. (2016). *Frontir setevogo obshchestva* [Network Society Frontier]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2, 83–97.
- New job, new life: Updates from Generation graduates around the world. *McKinsey Global Institute Report*. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/about-us/new-at-mckinsey-blog/updates-from-generation-graduates-around-the-world>
- Novaya tehnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii. *Ekspertno-analiticheskiy doklad TsSR* [A New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia. Expert-analytical Report of the CSR] (2017). Moscow: Center for Strategic Research.
- Peccei, A. (1980). *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Izdatel'stvo Progress.
- Plotichkina, N. V. Identichnost' potrebitelya. Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. *Entsiklopedicheskoye izdanie* [Identity of the Consumer]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 590–591). M.: Ves' Mir.
- Rifkin, J. (2011). *The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Palgrave MacMillan.
- Sadovaya, E. S. (2017). Sistemniy sdvigi v sotsial'noy politike: gotovy li my vosprinyat' novuyu sotsial'nuyu real'nost' [Systemic shifts in social policy: are we ready to perceive new social reality]. In *Global'nyi mir: sistemnie sdvigi, vizivi i konturi buduschego: XVII Mezhdunarodnie Lihachevskie nauchnyye chteniya* [Global world: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future: XVII International Likhachev Scientific Readings] (pp. 525–527). SPb.: CPbGUP.
- Sadovaya, E. S., & Sautkina V. A. (2015). *Transformatsiya printsipov sovremennogo miroustroystva: sotsial'nyy aspekt* [Transformation of the Principles of Modern World order: the Social Aspect]. M.: IMEMO RAN.
- Sankova, L. V. (2014). Prekarizatsiya zanjatosti v sovremennoy ekonomike: sistemnyi risk ili "osobaya" forma fleksibilizatsii [Precarization of Employment in Modern Economy: Systemic Risk or a "Special" Form of Flexibilization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The Standard of Living of the Population of Russian Regions], 4 (194), 44–53.
- Sautkina, V. A. (2017). Vozrozhdeniye solidarnoy ekonomiki: popytka realizatsii ili real'naya motivatsiya k razvitiyu? [The Revival of Solidary Economy: an Attempt at Realization or a Real Motivation for Development?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61 (1), 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-88-96
- Semenenko, I. S. (2012). "Chelovek politicheskiy" pered alternativami obshchestvennykh transformatsiy: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki ["The Political Man" before the Alternatives of Social Transformations: the Experience of Rethinking the Individual Dimension of Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 6, 10–11.
- Srnicek, N., & Williams, A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London, Verso.
- Stending, G. (2014). *Prekariat — noviy opasnyy klass* [Precariat — a Dangerous New Class]. M.: AdMarginem.
- The Workforce Ecosystem: Managing beyond the Enterprise. *Deloitte. Global Human Capital Trends 2018*. Retrieved from <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html>
- Tsifrovaya diktatura: kak v Kitae vvodjat sistemu sozial'nogo rejtinga [Digital Dictatorship: how China Introduces Social Rating System] (2016, December 11). *RBK* [RBK]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>

- Tsifrovie dividendi. Doklad Vsemirnogo Banka* [The World Bank Report Digital Dividend] Retrieved from <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf>
- Vse mi nemnogo kiborgi. Chem opanso sliyanie cheloveka s mashinoy [All of Us are Little Cyborgs. How Dangerous is the Fusion of Man with a Machine] (2018, April 1). *Kommersant* [The Businessman]. Retrieved from <http://www.kommersant.ru/doc/3579697>
- Weber, M. (1990). *Izbrannie proizvedeniya* [Selected Works]. M.: Progress.
- Workforce of the Future. The Competing Forces Shaping 2030. Retrieved from <http://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/workforce-of-the-future/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf>
- Yaspers, K. *Sovremennaya tekhnika* [Modern Technology]. Retrieved from <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6331>
- Ziryanova, A. (2017, December 19) *Professii budushchego: chemu uchitsya, chtoby preuspet' v konkurentsii s robotami* [Professions of the Future: What to Learn in Order to Succeed in Competing with Robots]. *Russkaya sluzhba Bi-bi-si* [Russian BBC Service]. Retrieved from <http://www.bbc.com/russian/features-42364741>.

Received 03.08.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Sadovaya E.S. People in a digital society: dynamics of social and labor relations. — *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 6-20.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).